



НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРИСПА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Мацкевич И.М.

Аннотация: – Товарищи военные прокуроры и следователи! Что будем делать? Прокурор прошёлся из угла кабинета в противоположный угол. – Думаю так! У нас есть все основания задержать старшего сержанта Полуэктова. И мне всё равно, где он находится. – Товарищ генерал! Прошу вас объявить тревогу и выделить в моё подчинение десять вооружённых солдат. Прошу выделить солдат первого года службы, принявших присягу. С оружием по штатному расписанию. Полный комплект боеприпасов. Остальных солдат прошу построить на плацу, и не отпускать их в казармы до моего распоряжения. Прокурор наоборот получил поощрение и уехал теперь возглавлять прокуратуру в другое значительно более престижное место с высоким окладом и генеральской должностью. Парадокс, но его возвышение связано с горем его друга – начальника дивизии. – Ну да. Именно это я и предположил. Это было наитие, вспышка света. Ничем не подтверждённая догадка. Вот почему я даже тебе ничего не сказал. И только после нападения на меня я понял, что прав. Ведь это не была месть, это был страх потерять любимого человека. Из-за любви люди идут на убийство, ну, если, конечно, они не сумасшедшие. Хотя, влюблённые – это и есть сумасшедшие.

Ключевые слова: Молодежь, преступность, профилактика, профилактика преступности, преступление, вред, осужденные, обвиняемый, обращение, убийство.

(Начало см. в N1-2, 2016г.) Начальник дивизии одним махом выпил водку, и, не закусывая, спросил:

– Товарищи военные прокуроры и следователи! Что будем делать?

Прокурор прошёлся из угла кабинета в противоположный угол.

– Думаю так! У нас есть все основания задержать старшего сержанта Полуэктова. И мне всё равно, где он находится.

Он резко повернулся к начальнику дивизии.

– Товарищ генерал! Прошу вас объявить тревогу и выделить в моё



подчинение десять вооружённых солдат. Прошу выделить солдат первого года службы, принявших присягу. С оружием по штатному расписанию. Полный комплект боеприпасов. Остальных солдат прошу построить на плацу, и не отпускать их в казармы до моего распоряжения.

Начальник дивизии взял трубку телефона. Его лицо постепенно приходило в норму. Впервые за весь вечер, он точно знал, что ему делать.

– Ну, что? – осведомился прокурор у Розина и Криспа. – Идём?

Те молча поднялись...

Когда они подходили к магазину, на втором этаже которого, в кабинете начальника политотдела горели окна, на главный плац дивизии выбегали для построения солдаты и офицеры. Непосредственно за прокурором, Розиным и Криспом выстроились десять человек с автоматами во главе с молодым безусым симпатичным и очень сосредоточенным старшим лейтенантом. Почему-то Крисп был уверен, что именно этого лейтенанта начальник политотдела заподозрил в неблагонадёжности.

Они быстро поднялись по лестнице на второй этаж. В приёмной никого не было. Прокурор резко постучался в дверь кабинета, и, не дождавшись ответа, дёрнул за ручку.

Раздался выстрел...

Спустя месяц Крисп сидел в своём кабинете и заканчивал оформление очередных материалов об отказе в возбуждении уголовного дела (жена написала заявление о необходимости привлечения мужа к уголовной ответственности за не исполнение им супружеских обязанностей).

Как обычно от пинка ногой дверь распахнулась, и в кабинет ввалился Розин. Он молча прошёл через всё помещение, и также молча плюхнулся на стул. Он не курил. Крисп продолжал сшивать материалы отказного дела.

– Пойдём, выпьем, – предложил Розин.

– Пойдём, – легко согласился Крисп.

Они пересекали наискось площадь. Швы и бинты с головы Криспа сняли. Отёк с его лица, вызванный кровоизлиянием подкожной поверхности головы, давно спал (долгое время он боялся выходить на улицу, потому что окружающие принимали его за бомжа, – синее лицо с глубокими отёками под глазами), головные боли по ночам перестали мучить, всё постепенно утряслось.

Было пасмурно. Впрочем, день заметно прибавил. И хотя на дворе стояла зима, в воздухе неумолимо пахло весной. И эту мысль Крисп озвучил вслух:

– Скоро весна!

– Угу, – согласился Розин.

Он был мрачен весь этот месяц, который был наполнен событиями.

Дело о самоубийстве начальника политотдела у них забрали в Москву, всех фигурантов по хищениям из военного магазина арестовали. Сначала говорили, что подобные хищения совершались по всей системе военторга, но сейчас как-то сбавили оборот, и Розин предрёк «развал» этого дела. Он полагает, что скоро и Фёдорова, и все её подельники выйдут на свободу. Двоих из трёх напавших на Криспа осудили: сержанта Михнича на 3 года



лишения свободы, а сержанта Староверова – на пять лет. Крисп, выступавший на суде в качестве потерпевшего, просил проявить снисходительность и убеждал суд, что только благодаря Михничу он и остался жив. Если бы тот вложил хотя бы половину своей силы в тот самый удар, он раскроил бы его череп пополам. Суд, что называется, внял его доводам.

Полуэктов, арестованный, как и все, тяжелее всех переживал своё положение. Он искренне убивался из-за смерти начальника политотдела, его даже помещали два раза в психиатрическую лечебницу. Крисп с удивлением понял, что Полуэктов действительно любил мужчину, который по хорошему годился ему в отцы. И не была ли вся эта история с магазином мстью за то, что тот не отвечал ему душевной взаимностью? Когда Полуэктов повесился в камере, то многие сочли это наказанием ему со стороны опытных зеков, которые, как известно, не любят педерастов (до Криспа дошли даже слухи, что Полуэктов перед этим несколько раз изнасиловали в камере).

Так или иначе, но, как только Полуэктова, не стало среди живых, всем стало как-то проще.

Начальнику дивизии было объявлено взыскание о несоответствии занимаемой должности, после чего он быстренько уволился на генеральскую пенсию, которую таким образом, ему удалось сохранить.

Прокурор наоборот получил поощрение и уехал теперь возглавлять прокуратуру в другое значительно более престижное место с высоким окладом и генеральской должностью. Парадокс,

но его возвышение связано с горем его друга – начальника дивизии.

Они с Розиным прошли ту самую остановку, и зашли в кафе. Оно открылось совсем недавно, всего несколько дней назад.

– Что будем? Пиво? – спросил Крисп, когда они уселись за столик.

– И водку тоже, – ответил погружённый в себя Розин.

Они выпили, закусили и Розин спросил о том, о чём он обычно спрашивал на другой день после раскрытия преступления:

– Скажи, как ты догадался?

Крисп усмехнулся.

– То, что в этом деле был замешан начальник политотдела было ясно с самого начала. Помнишь, я тебе сказал после осмотра магазина, что в него ведёт дверь из приёмной начальника отдела?

– Ну да. Я ещё пытался это озвучить на совещании у прокурора.

– Да, только я тебе не дал этого сделать. Дело в том, что я знал, что генерал N покровительствует и Сергееву, и начальнику политотдела, а ты – нет.

– Откуда ты знал?

– Не важно. Твои друзья из особого отдела иногда говорят иносказательно. Они об этом как-то обмолвились, когда мы у тебя дома выпивали, а ты просто не обратил внимания. Я даже знаю, почему ты не обратил внимания.

– Почему?

– Потому что как только речь заходила о Сергееве, ты переставал что-либо слушать. Это у тебя такая форма психологической самозащиты, – там, где явная несправедливость ты машинально абстрагируешься от действи-



тельности. Так вот. Поняв, что в деле замешан начальник политотдела, я в то же время не мог понять, как он умудрился «вляпаться» в это дело. Вряд ли из-за денег, думал я, хотя бывает по всякому и люди совершают кражи из-за десяти рублей. Но в данном случае, как-то всё не сходилось. И вдруг я подумал, а не из-за солдат ли всё?

– Почему ты подумал, что из-за них?

– А потому что знал, что начальник политотдела сторонится офицеров, да и они его недолюбливают.

– Недолюбливают, это ты сейчас очень точно сказал.

– Ну да. Именно это я и предположил. Это было наитие, вспышка света. Ничем не подтверждённая догадка. Вот почему я даже тебе ничего не сказал. И только после нападения на меня я понял, что прав. Ведь это не была месть, это был страх потерять любимого человека. Из-за любви люди идут на убийство, ну, если, конечно, они не сумасшедшие. Хотя, влюблённые – это и есть сумасшедшие.

– Интересно-интересно. И ты прямо так сразу догадался, что все они гомосексуалисты? – недоверчиво спросил Розин.

– Я понял, что секс в мужском исполнении – это тот двигатель, который движет эту машину с махинациями в магазине. Но я тоже не всё угадал.

– В чём же ты ошибся? – спросил Розин.

– Я думал, что начальник политотдела тоже замешан в кражах.

– А может он всё-таки был замешан?

– Ну, теперь мы это вряд ли узнаем, – сказал Крисп, наливая себе и Розину остатки водки из графина и подав официантке знак, чтобы она несла счёт. – Могу тебе сказать другое. Ты понял, в чём был смысл приезда полковника Сергеева?

– Ну, он должен был контролировать ситуацию, смягчить её в случае обострения, как-то всё спустить на тормозах.

– Верно. В общем «замять» возможный скандал и не допустить возбуждения дела против начальника политотдела.

– Ну да, – согласился Розин.

– А почему? Догадался?

Розин от изумления открыл рот и откинулся на спинку стула. Сама собой в его руке оказалась рюмка водки, и он одним махом отправил её в себя.

– Заговор педерастов какой-то, – хрипло выдавил он, накалывая на вилку закуску.

– Теперь с этим придётся разбираться непосредственно тебе, товарищ прокурор! – весело заключил Крисп и выпил свою порцию водки.